

**Вероника
Тушнова**

Вероника Тушнова

Не отрекаются любя

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Т92

Оформление *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки использована фотография:
VICUSCHKA / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Тушнова, Вероника Михайловна.

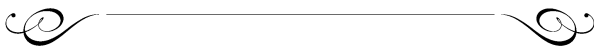
Т92 Не отрекаются любя / Вероника Тушнова. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (Золотая коллекция поэзии).

«Поэзия — не ряд рифмованных строк, а живое сердце человека, в котором эти строки родились» — так определяла суть поэтического творчества Вероника Тушнова. Светлой грустью и верой в счастье проникнуты стихотворения любимой многими читателями поэтессы.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-112398-7

© Тушнова В.М., наследники, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

О ПОЭЗИИ¹

Меня часто спрашивают: «А когда вы начали писать стихи?» И мне всегда бывает трудно ответить на этот вопрос. Что понимать под словами «писать стихи»? Складывать фразы в правильно чередующиеся, зарифмованные строки и строфы? Если так, то я начала писать в самом раннем детстве, лет в шесть-семь...

...Солнышко светит и греет,
птичек слышны голоса...

Стихи у меня получались такими же гладкими и аккуратными, как многие из тех, которые я читала в детских книжках. И слова в них те же, и писать их было очень просто и легко. Я иногда брала тетрадку и говорила себе: а теперь я запишу про зиму. А теперь про весну. И это всегда удавалось.

Своим умением писать стихи я гордилась, но мысль о том, что, став взрослой, я буду продолжать это увлекательное, но отнюдь не серьезное занятие,

¹ Публикуемая статья хранится в архиве В. Тушновой под названием «Молодым — о поэзии».

мне и в голову не приходила. Повторяю — писать мне было очень легко.

Но вот однажды пропал без вести престарелый черный кот Буська, и мне захотелось увековечить в стихах это печальное событие. К своему немалому удивлению, я вдруг поняла, что написать об этом гораздо труднее, чем о зиме, весне или ручейке. И вполне понятно: ведь никто до меня не писал об этом. Никто, кроме меня, не знал нашего грузного, облезлого кота, его привычки спать в печке, его хриплого мяуканья, разорванного уха, манеру, привставая, толкать лбом в колени.

В данном случае я уже не могла пользоваться чужими и удобными и красивыми словами. Приходилось придумывать свои. Кроме того, мне было жалко кота и хотелось, чтобы другие пожалели его тоже. Все это налагало ответственность.

Я писала долго, и стихи получились гораздо хуже, чем обычно. Зато впервые в жизни закралось в меня подозрение, что все «сочиненное» мной ранее — совсем не хорошо и гордиться этим, пожалуй, не стоит. Во всяком случае, читать прежние стихи вслух мне было неловко и стыдно. С тех пор я начала прятать свои тетрадки подальше от посторонних глаз.

Было бы неверно сказать, что с этой минуты я стала поэтом. Сколько раз я еще поддавалась соблазну сложить стихотворение из чужих гладеньких и так хорошо, впритирку лежащихся кирпичиков.

Я была школьницей старших классов, когда ощутила необходимость написать замечательные

стихи о любви. Только несколько лет спустя я смогла оценить действительные размеры постигшей меня неудачи. Стихи-то опять были не мои! Их наполняли грезы, слезы, луна, страдания. В них были удачные рифмы и редко-редко проскальзывала живая строка, согретая живым и подлинным чувством. И о любви, и о страданиях я писала чисто отвлеченно, а поэзия этого не прощает.

Впоследствии, испытав и любовь, и горе, и разочарование и написав об этом стихи — в достаточной мере теплые и сердечные, — я снова огорчилась: несмотря на «свои» слова, «свою» интонацию — это были все-таки неудачные стихи. В них говорилось о чувствах и переживаниях, сотни раз описанных до меня, и ничего нового нельзя было в этих стихах обнаружить. В них не было мыслей. А ведь мысль — это тот стержень, на котором держится все стихотворение.

Не надо понимать этого примитивно. Мысль не должна назойливо выпирать из каждой строки, иногда в хороших стихах на первый взгляд она вообще отсутствует. Но это только на первый взгляд. Мысль существует, как говорится, в «подтексте». Читатель настолько проникается настроением, мироощущением автора, что сам делает необходимый и единственно возможный вывод, то есть мысль рождается за пределами стихотворения, и читатель становится как бы соавтором поэта. И такого рода поэзия, где автор щедро делится с читателем правом и радостью открытия, для нас очень дорога. Поэт как бы

посылает читателя: иди вот этой тропинкой! А сам отлично знает, куда эта тропинка приведет.

Это не значит, что мысль не может быть выражена в стихотворении вполне открыто, в виде афоризма, заключенного в одной-двух строках. Существуют отличные стихи и такого рода. Одно только недопустимо — это чтобы мысль была назойлива, чтобы она насильственно навязывалась, чтобы она плавала на поверхности, а не вытекала органически из всей ткани поэтического произведения.

Если нет в стихотворении поэтической мысли, вокруг которой группируются поэтические образы, последние начинают рассыпаться, многие из них при всей своей яркости оказываются лишними, немыми. Нет в таких стихах своего выраженного отношения автора к изображенным фактам и событиям, стихи получаются безыдейными.

Настоящая поэзия не может быть безыдейной. Пейзажные стихи, заставляющие читателя еще раз с еще большей остротой почувствовать, как он любит родные поля и леса, — это глубоко идейные стихи. Стихи, написанные о важнейших стройках, о героических делах, если они написаны не горячим сердцем поэта, а холодной рукой ремесленника, — безыдейны и вредны!

Чувства и мысли — вот что такое стихи. И, конечно, мастерство, потому что оно позволяет полнее и свежее выразить и чувства и мысли.

Так вот, когда я поняла, что опять пишу плохие стихи, я стала придумывать, а что бы такое ориги-

нальное сказать. Надо ли объяснять, что из этого ничего не получилось. Думаю, что по-настоящему я стала писать во время войны.

Я работала в госпитале с утра до ночи и очень редко бралась за карандаш. Но сколько я передумала и перечувствовала за это время! И что самое удивительное, у меня появилось новое, никогда еще не испытанное мною чувство: мне вдруг захотелось, чтобы стихи мои узнали, прочли, мне хотелось своими стихами вмешаться в жизнь, что-то изменить в ней. Я понимала, как это трудно и ответственно, и все-таки эта мысль меня не покидала.

В 1944 году, когда я напечатала свои первые стихи, произошло событие, имевшее для меня громадное значение. В «Комсомольской правде» был опубликован цикл моих стихов под названием «Стихи о дочери». Я написала их действительно о своей маленькой дочке, и они мне казались слишком личными. Но их напечатали, и я была этим обрадована и встревожена. Но это не главное.

Главное то, что через некоторое время я стала получать письма со штемпелями полевой почты. Писали их самые разные люди. Были письма, написанные неуклюжим, корявым почерком, со множеством орфографических ошибок (самые для меня дорогие!). Но во всех этих письмах, в тех или иных словах, говорилось одно: «Хорошо, что вы написали о наших детях!» Каким счастьем было для меня читать слово «наших»!

Значит, что же получилось? Я писала стихи о

своей девочке, о своей Наташе, а они — бойцы, при-
славшие мне свои письма, считают, что я писала про
их детей! Это была такая удача, о которой я не мог-
ла и мечтать.

Думая об этом, на первый взгляд непонятном
явлении я впервые столкнулась с силой поэтиче-
ского обобщения. Впоследствии я неоднократно
получала письма читателей — добрые и сердечные,
но ни одно не доставило мне той радости, которую
я испытывала, раскрывая треугольные конверты с
номерах полевой почты. Как эти незнакомые лю-
ди помогли мне на моем творческом пути! Навер-
ное, здесь и надо искать его начало.

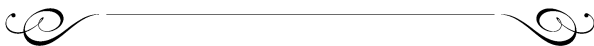
Ну, что же сказать еще? Война прошла, а жизнь
продолжала течь со всеми своими сложностями,
тревогами, противоречиями. Выросло новое по-
коление. Я написала много новых стихов — удач-
ных и неудачных, снова и снова убеждаясь, как не-
легко создать что-то действительно ценное. Я ни
минуты не обольщалась надеждой чему-то научить
своих молодых читателей. Мне просто хотелось по-
делиться с ними своими размышлениями о жизни,
воспоминаниями своей юности. Ведь даже у людей
разных поколений есть много общего и дорогого.

И еще мне хотелось бы, чтобы это молодое поко-
ление полюбило поэзию, чтобы оно видело в стихах
не ряды зарифмованных строк, а живое сердце че-
ловека, в котором эти строки родились.

Вероника Тушинова

Стихотворения

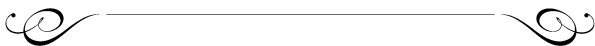

* * *

Воспоминанья милые,
черемуховый цвет...
Мне той весною минуло
всего семнадцать лет.
Окраина пустынная,
поемные луга...
Зачем, зачем любимому
другая дорогá?
Мы вместе с ним идем вдвоем,
рука в руке,
щека к щеке,
насквозь измочены дождем,
скользя, спускаемся к реке.
Кричат грачи,
закат погас,
окрестности в дыму...
А та, наверно, ждет сейчас,
одна, в пустом дому...
И отчего-то я о ней
не помнить не вольна,
и все грустней мне,
все больней,
как будто я — она.

Мне что-то сдавливает грудь,
как будто знаю я —
когда-нибудь,
когда-нибудь
обманет он меня.

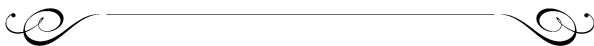

ГОЛУБИ

Тусклый луч блестит на олове,
мокрых вмятинах ковша...
Чуть поваркивают голуби,
белым веером шурша.
Запрокидывают голову,
брызжут солнечной водой,
бродят взад-вперед по желобу
тропкой скользкой и крутой.
Бродят сонные и важные,
грудки выгнуты в дугу,
и блестят глаза их влажные,
как брусника на снегу.
Сад поник под зноем пáрящим,
небо — синьки голубей...
— Ты возьми меня в товарищи,
дай потрогать голубей. —
Верно, день тот был удачливым —
ты ответил: — Ладно, лезь... —
Дребезжать ступеньки начали,
загремела гулко жесьть...
Мне расти мальчишкой надо бы —
у мальчишек больше льгот...

А на крыше — пекло адово,
сквозь подошвы ноги жжет.
Целый час с тобой стояли мы
(неужели наяву?),
птицы в небо шли спиральями,
упирались в синеву...
Воркованье голубиное,
смятый ковш, в ковше — вода...
А часы-то в детстве длинные —
и такие же года.
Кто их знал, что так прокатятся,
птичьей стайкой отсверкав...
Я ли это — в белом платьеце,
с белым голубем в руках?

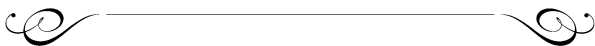

СТИХИ О ГУДКЕ

Я с детства любила гудки на реке,
я вечно толклась у причала,
я все пароходы
еще вдалеке
по их голосам различала.
Мы часто таким пустяком дорожим,
затем что он с детства привычен.
Мне новый гудок показался чужим,
он был бессердечен и зычен.
И я огорчилась,
хотя я сюда
вернулась, заведомо зная,
что время иное, иные суда
и Волга-то, в общем, иная.
А все-таки он представлялся в мечте,
как прежде, густым, басовитым...
Мы вышли из шлюзов уже в темноте
и двинулись морем открытым.
Я не узнавала родные места,
где помнила каждую малость.
В безбрежности
пепельных вод широта
с темнеющим небом сливалась.

Рвал ветер низовый
волну на клочки,
скитался равниною пенной,
и только мигали в ночи маячки,
как звездочки в безднах вселенной.
Барометр падал,
и ветер крепчал,
зарница вдали полыхала,
и вдруг нелюбимый гудок закричал,
и вдруг я его услышала.
С чего же взяла я? Он вовсе не груб,
он речью своей безыскусной
похож на звучанье серебряных труб,
пронзительный, гордый и грустный...
Он, как тетива, трепетал над водой,
под стать поражающей шири,
такой необычный, такой молодой,
еще не обвыкшийся в мире.
И так покоряло его торжество,
его несвершенности сила,
что я не могла не влюбиться в него
и прежней любви изменила.
И нет сожаленья о прошлом во мне,
в неверности этой не каюсь...
Что делать — живу я
в сегодняшнем дне
и в завтрашнем жить
собираюсь!

ВЕСЛО

Балалайка брэнчала,
песни пела весна.
Прибежала я к причалу,
принесла два весла.
Мы с тобою плыли Волгой,
луговой стороной,
древесиной пахло волглой,
мгла легла пеленой.
Проглядела я излучину,
что лозой заросла,
утопила я уключину,
не сдержала весла.
Ты бранил меня недолго.
Тишина. Темнота.
Нас укачивала Волга,
шурша о борта.
Мы зажгли плавник наносный,
руки грели в золе.
Было холодно и звездно
на весенней заре.
Много было, да уплыло,
как по волнам весло,
было, было, много было,
да былъем поросло!

КАПИТАНЫ

Не ведется в доме разговоров
про давно минувшие дела,
желтый снимок — пароход «Суворов» —
выцветает в ящике стола.
Попытаюсь все-таки взглядеться
пристальной в туман минувших лет,
увидать далекий город детства,
где родились мой отец и дед.
Утро шло и мглою к горлу липло,
салом шелестело по бортам...
Кашлял продолжительно и хрипло
досиня багровый капитан.
Докурив, в карманы руки прятал
и в белесом мареве зари
всматривался в узенький фарватер
Волги, обмелевшей у Твери.
И возникал перед глазами
причал на стынувшей воде
и домик в городе Казани,
в Адмиралтейской слободе.
Судьбу бродяжью проклиная,
он ждет — скорей бы ледостав...